

ГЛАЗАМИ СОЛДАТА

Наша крестьянская семья бедствовала. И как только мне исполнилось шестнадцать, я тут же подался в город на заработки. Отмахал верст немало, а вот название населенного пункта почти не изменилось: жил в селе Елизаветоградка, теперь — в городе Елизаветоград. Поступил на завод сельскохозяйственных машин, года два был на разных подсобных работах (принеси — отнеси), потом в сборочном цехе освоил столярное дело. В 1914-м меня взяли на действительную военную службу. Как столяр, я был определен в 3-й понтонный батальон, расквартированный в Киеве. С началом русско-германской войны в Киеве же стал служить мой брат Семен, только его вскоре отправили на фронт.

И вот в свои 25 лет я уже «старый» солдат, кое-что повидавший и испытавший. В марте 1917 года солдатский комитет 3-го понтонного батальона выделил команду для охраны Мариинского дворца, в которую попал и я.

В Мариинском дворце находились Совет рабочих депутатов, Киевский комитет РСДРП(б), редакция большевистской газеты «Голос социал-демократа». Словом, это был революционный очаг Киева. Здание имело двор с центральными воротами на Александровскую улицу, с тыла примыкал к нему большой парк; на так называемом черном дворе было помещение, в котором располагалась наша команда. Пожалуй, для такого большого объекта нас, тридцати солдат, маловато. Ну как бы там ни было, службу несли исправно, часовые на постах не дремали.

Постепенно мы стали знать в лицо всех активных работников Киевского Совета и комитета большевиков. Помнятся такие товарищи, как Владимир Затонский, Лаврентий Картвелишвили, Леонид Пятаков, рабочие завода «Арсенал» Андрей Иванов и Ефим Чайковский, студент-медик Александр Горвиц, Иван Кулик... Что же касается

Яна Борисовича Гамарника, то его у нас в команде каждый солдат за версту бы угадал.

Однажды (это, помнится, было 30 мая) Гамарник и Затонский, выйдя из столовой, которая была при дворце же, остановились около нас, и Ян Борисович спросил меня:

— Товарищ Сливка, это не вас года полтора назад судили во втором осадном батальоне?

Неожиданное напоминание, признаюсь, смутило меня, отвечать не очень-то хотелось.

— Не стесняйтесь, не бойтесь, — подбадривал Гамарник. — Вас секли розгами или не вас?

Делать нечего, пришлось рассказать о том тяжком случае.

Вот как это произошло.

Из 3-го запасного понтонного меня перевели во 2-й осадный инженерный батальон. А в январе 1916 года с фронта привезли в киевский лазарет раненого брата Семена. Чтобы повидать его, я выпросил у фельдфебеля увольнительную. Пришел в лазарет, а меня не пускают. Я к заднему ходу, на веранду, а там тоже охранник, какой-то ратник запаса. Как ни уговаривал его, он только твердил «не велено» и преграждал вход. Я продолжал настаивать на своем, это разозлило охранника, и он, рослый дядя, схватил меня и сбросил с веранды. Внизу был мерзлый снег — я при падении поцарапал лицо.

Когда вернулся в батальон, фельдфебель увидел мою разукрашенную физиономию и хмуро спросил: «А это что такое?» Рассказать ему правду?.. Ан нет, еще нагоняй получишь. И я доложил, что упал печально в снег. «Ну и дурак», — сказал фельдфебель. «Есть, дурак!» — отчеканил я, как полагалось отвечать на указания начальника.

На другой день в мастерской, где мы, солдаты, работали, в обеденный перерыв, управляясь с котелками, по обыкновению разговорились. Меня стали спрашивать, видел ли я раненого брата, и от своих товарищей я не стал скрывать, что со мной приключилось. При этом у меня невольно вырвалось: «Эх, братцы, и зачем эта война! Мы с вами кто рабочий, кто крестьянин, но и на немецкой стороне, поди, не бароны в окопах сидят. Лупим друг друга, а за что — и сами не ведаем. А ведь наш царь и германский кайзер родственники, царева-то жена родной

сестрой Вильгельму приходится. Встретились бы, поговорили по-родственному, кто чем недоволен, да меж собой все и порешили. А если им подраться нестерпимо, пусть друг друга и валтузят. Мы-то тут при чем?..»

Вот не думал, что печально закончится этот разговор. Но не успели мы прибрать котелки, как появляется все тот же фельдфебель и приказывает мне следовать за ним. У выхода из мастерской становятся по бокам два конвоира и ведут меня в штаб батальона. Там офицер учиняет допрос: «Что говорил солдатам? Кто этому научил?» Проклиная в душе неведомого доносчика, я пересказал свои мысли более осторожными словами, добавив, что о родстве русского и немецкого императоров узнал еще новобранцем на уроках словесности.

Допрос длился до вечера. Затем меня ввели в казарму, где в строю стояли солдаты. Между их шеренгами — топчан и стол с пучками лозы. Вошли три офицера — это был военно-полевой суд. Зачитали приговор: двадцать пять розог и три года дисциплинарного батальона. Розгами высекли тут же, а потом солдаты, вынужденные наблюдать экзекуцию, осторожно положили меня в санки и отвезли в дисциплинарный батальон. Там я пролежал в лазарете с января по апрель 1916 года. Трехлетний срок отбывать не пришлось, так как «судьи» переборщили, применив за одно «преступление» два наказания. По распоряжению инспектора инженерных войск Киевского гарнизона меня из дисциплинарного перевели в 3-й понтонный батальон...

Рассказывал я эту историю Гамарнику и Затонскому и видел, как посуровели их лица, как возмущались они старорежимными порядками. С того часа почувствовал я какое-то расположение к себе со стороны Яна Борисовича. При встречах он стал беседовать со мной, говорил о партии большевиков и Ленине, вожде всех трудящихся. Так родилась у меня мысль, что не гоже стоять вроде бы в сторонке. И однажды, это было 6 июня, отправился я во дворец, в комнату № 9, где помещался партийный комитет. В тот момент были там Евгения Бош и товарищ Кажуда. Обратился к ним, высказал свое желание бороться за ленинскую правду. Поговорили они со мной, спрашивали и записали в сочувствующие (была такая группа готовящихся к вступлению в ряды партии). Стал я посещать собрания, набираться ума-разума. В июле Гамарник рекомендовал мне поучиться на курсах агитаторов. Три недели

посещал я занятия, проходившие в здании женского медицинского института (на бывшей Собачьей тропе). Для меня, окончившего раньше только земскую приходскую школу, эти курсы явились прямо-таки кладом новых знаний.

Как-то стою во дворе Мариинского дворца, возле гаража. Подходит Ян Борисович с Дорой Иткинд (она работала в редакции «Голоса социал-демократа»). Рассказывает: юнкера разрушили киоск, где продается большевистская литература.

— Товарищ Сливка, вы ведь столяр, сделайте новый киоск. Назло им пусть он стоит на прежнем месте! — Сказав это, Гамарник велел Доре выдать деньги на покупку теса, а мне посоветовал подобрать помощников.

Получив 55 рублей, я отправился на лесную биржу, отобрал все, что нужно, уплатил 52 рубля. Встретил там солдата-шофера из 3-го авиапарка, объяснил ему, для чего этот тес, и тот бесплатно привез мою покупку. Сэкономленные 3 рубля я возвратил Доре Иткинд.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке

